

А. В. САХАРОВА

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Введение

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется внимание в русистике¹. Но при этом внимание исследователей привлекали обычно морфо-синтаксические параметры употребления кратких причастий — особенно в тех случаях, когда не действовали традиционные синтаксические ограничения на их употребление. (Ведь в «гибридных», соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же субъектом, от которого причастие можно было бы считать зависимым. Точно так же в восточнославянских текстах не действовало и церковнославянское синтаксическое ограничение на употребление дательного самостоятельного (несовпадение субъектов оборота и финитного глагола) [Потебня 1958; Белоруссов 1899; Истрина 1923; Борковский 1949; Večerka 1961; Борковский, Кузнецов 1965; Лопатина 1978; Сабенина 1978; Алексеев 1987].

Однако никем не исследовалось, как именно происходил выбор между причастием (деепричастием) и личным глаголом. Настоящая же статья продолжает цикл публикаций [Сахарова 2005; 2007а; 2007б; 2011], где описываются сами критерии распределения глагольных форм на личные и причастные в русской летописи для определенных глагольных лексем. В данной статье мы рассматриваем детально, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой лето-

¹ Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически некорректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин краткое причастие (видимо, потому, что согласование в некоторых текстах форма сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

писи по Комиссионному списку по изданию [НПЛ 1950] для нескольких глаголов — каузативов от глаголов движения (*посылати, присылати, посадити, оставити*). Выясняется, как в различных контекстах переднего и заднего плана употребляются конструкции с этими глаголами (личные формы, обороты с ш- и щ-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и более приспособлен для статистического анализа. Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании приниматься во внимание не будет. Специально не исследуются также и расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще редакциями вошедших в состав НПЛ текстов).

Изложение в этой статье, так же как и в предыдущих работах этого цикла, строится следующим образом: все употребления глагольной лексики мы классифицируем по синтаксическим и прагматическим (связанным с признаками заднего плана повествования) параметрам и отмечаем, какие причастные или личные конструкции и в каком количестве в каждом контексте употребляются.

Напомним теперь, что подразумевается под задним планом (фоном) повествования. Подчиненные предикативные единицы в дискурсе служат для выражения менее важной информации [Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985; 1986; Matthiesen Thompson 1988]. Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях действительности в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события [Hopper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по [Wårvik 1994, 29]); Fleischmann 1985]. В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые — аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (и вообще хронологически на них накладывающиеся), относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой прагматические презумпции (о прагматической презумпции см. [Падучева 2001: 57—60; 1996: 235]), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось [Givon 1984: 251; Wårvik 1994: 252]. Предикации, которые не удовлетворяют сформулированным условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке [Dry 1981; 1983, цит. по Wårvik 1994: 29].

Переднеплановость может также трактоваться как неожиданность, нестереотипность ситуации, т. е. как прагматическая характеристика предикативной единицы [Polanyi, Hopper 1981], см. также [Fleischmann 1985; Chafe 1987]. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной прагматически оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций. Финитные предикации в таком случае принято считать более прагматически выделенными по сравнению с нефинитными.

Употребление причастий в летописи нередко было обусловлено факторами именно такого плана, хотя некоторые закономерности употребления причастий и не были связаны с описываемыми прагматическими параметрами [Сахарова 2010].

Посълати

Этот глагол в некоторых значениях («сделать так, чтобы кто-то отправился в путь») можно рассматривать как каузатив от *ити* или *поити*, хотя объект его может быть и неодушевленным [Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 321].

Во всех употреблении финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим подробно только те контексты, где *посълати* принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает там не последнюю ситуацию (так как причастные формы данного глагола появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в исследуемом тексте нет).

Причастия исследуемого глагола могут употребляться только тогда, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником и следующей ситуации.

При этом речь может идти о передаче словесного послания. Такие контексты довольно многочисленны, но только в двух случаях при этом употребляется его ш-причастие (в сочетании с финитной формой глагола *речи*):

...людие киевъстѣи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговици, и рѣша, пославше къ князю: «се Половци розошѣся по земли; да вдаи, княже, оружие и конѣ, и еще биемся с ними» (6576);

Янь же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдавши ясно, яко суть князя Святослава, и сице пославши к ним, и рече иже суть около двою кудесникъ: «выдаите ми волхва та сѣмо» (6579).

Оба примера, между прочим, находятся в близких погодных статьях Начальной летописи.

В остальных случаях (31 пример) в контекстах такого рода используются финитные формы (сопровождаемые причастием глагола с речевым значением, вводящим саму прямую речь):

В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «отець ти умерлъ. а брат ти убиень от Святополка» (6523);

Заутра же видѣша людие бѣжавшиа князя, възратишася къ Кыеву и створише вѣче послаша къ Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: «мы уже зло створилѣ есмы, князя своего прогнавши; а се ведетъ на нас Лятьскую землю» (6577);

Того же лѣта поиде князь Михаилъ в Черниговъ... а сына своего Гостислава остави в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, даи Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего». и посла къ Ярославу Нѣздѣлу Прокииница, Иванка Тудоркова, сице рекъ: «отступися Волока, что есть новгородчкая волость за тобою (6737);

Того же лѣта посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика пострици в чернцы. (6711); и т. д.²

Еще в 13 случаях в похожих контекстах глагол *посылати* вообще не сопровождается причастием речевого глагола, т. е. прямая речь идет сразу вслед за ним. Такого рода способ оформления этого ситуационного контекста возможен только в более поздней части исследуемой летописи (первое употребление — в статье 6712 года в повести о взятии Царьграда):

Муръчюфль же посла к Николѣ и къ людемъ въ святую Софѣю: «язь яль врага вашего Исаковица, язь вашъ цесарь; а Николѣ даю прѣвыи въ боярех, сложи съ себе вѣнецъ» (6712, повесть о взятии Цареграда);

И ста Ярославъ и Юрьи с братьею на рѣцѣ Хзѣ; Мьстиславъ же и Костянтинъ и два Володимира с новгородци стаи на рѣцѣ Липицѣ; и узрѣша полкы стояща, и послаша Лариона съчкаго къ Юрью: «кланяемъ ти ся; нѣту намъ с тобою обиды, съ Ярославомъ намъ обида (6723);

И съдѣша мѣсяць в Торжску, город утвердивше, а ко князю послаша прежде того Кузьму Твердиславля из Новагорода с жалобами: «еще не съд у насъ на княжении, а уже боярѣ твои дѣютъ силно» (6848) и т. д.

Таких примеров слишком много, чтобы их можно было трактовать просто как случайные пропуски причастий *глаголя* или *рекъ*. Здесь мы имеем дело с одним из характерных для летописного языка переосмыслений церковнославянского узуса. В словаре Срезневского вообще особо выделено употребление данного глагола как вербального в значении «обратиться со словами» [Срезневский 1903, 2: 1277] и приводятся его примеры именно такого типа. Но такое выделение не совсем корректно, поскольку подобное употребление аориста *посылати* было ограничено наличием последующей прямой речи.

Рассмотрим теперь контексты, где речь не идет о передаче адресату какого-либо словесного послания, но адресат все равно является участником следующей ситуации. Таких контекстов в тексте в целом меньше, но в них

² Отмечалось, что описание вербальных ситуаций при помощи сочетания глагола в личной форме с причастием другого вербального глагола было приметой книжного языка, так как оно было характерно для текста греческого и, следовательно, церковнославянского Евангелия [Успенский 2002: 255]. К подобным типовым случаям следует отнести и это сочетание аориста глагола *посылати* с причастием вербального глагола.

процент причастных употреблений оказывается больше. Есть три причастных примера:

...«аще ли хоцещи то разнo испытати, то имаши у себе мужи; пославъ, испытаи их кождо службу» (6495);

И пославъ, нача отъимати у нарочитои чядѣ дѣти и давати на учение книжное (6496);

Посемь же Володимиру живушу в законѣ крестияньствѣ, помысли создати церковь святыхъ Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикѣ (6499).

Им соответствуют девять финитных:

Хотящую ити на Ярослава Володимиру, Ярославъ же посла за море, приведе Варягы, бояся отца своего; нь Богъ не дастъ диаволу радости (6523);

Тогда же послаша владыку Нифонта с передними мужи къ Юрьеву по сынѣ, и введоша Мьстислава, сына Юрьева, генваря въ 30 (6662);

Князь же того не послуша и поухаше прочь. и послаша владыку с вятишими мужи с молбою, и въспятиша его с Броньници (6777);

И видѣ князь Михаило грядущу силу новгородскую на ся, и посла къ князю великому владыку Еуфимия, а дая ся въ всю волю великому князю (6883) и т. д.

Во всех таких случаях нельзя прямо сказать, что две ситуации (послание вестника и следующая) сочетаются ожидаемым образом, так как следующая ситуация не принадлежит к какому-то одному типу, но их явно связывает наличие общего участника.

В таком контексте, где такой связи нет, т. е. тот, к кому пришли посланные, не является участником следующей ситуации, употребляются только финитные формы. Всего есть 23 таких примера:

Того же лѣта послаша послове за море в Доньскую землю, привезоша миръ dokonцавшие (6810);

...«пошли к нему дары, искусимъ его: любезнивъ ли есть злату и паволокамъ». Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его» (6479);

Того же лѣта ходи Всеволод на Рязань и рече имъ: «пойдите ко мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на рядъ»; и переидоша к нему, и ту я изыма, и посла полки и изыма жены и дѣти, а град их зажеже (6718);

...тогда же даша посадничество Дмитру Якуницу. и посла князь Мьстиславъ Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а самъ иде на Торжокъ (6719);

Князь Андрѣи посла посадника ис Торъжску в Новѣгород, а самъ иде на Низовъскую землю (6802) и т. д.

Только в одном случае в таком контексте мы встречаем не правильный аорист, а форму *пославиша* (появившуюся, видимо, в результате контаминации аориста и ш-причастия или влияния предшествующего аориста), причем при союзе, имеющем противопоставительное значение:

Чюдѣ же начаши слати с поклономъ лестию, а по Нѣмѣ пославиша; и начаши новгородци гадати съ плесковици на чюдѣскои рѣцѣ (6725).

Если трактовать эту форму как финитную, то получится, что причастных употреблений данного глагола вообще не бывает в контексте, где ситуация связана со следующей только тем, что имеет общего участника-подлежащее.

Статистика для глагола показана в табл. 1.

Таблица 1

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *посылати* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации, послание словесное	2 (5 %)		31 (95 %)
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание не словесное	3 (23 %)		9 (77 %)
Адресат послания не есть участник следующей ситуации; послание не словесное	1(?)		23

Прислати

Этот глагол в некоторых его значениях ('сделать так, чтобы кто-то пришел') можно рассматривать как каузатив от *прити*, но круг его значений несколько шире, объект его может быть и неодушевленным [Сл. РЯ XI—XVII вв., 20: 15].

Так же, как и у *посылати*, во всех употреблении финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не самую последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в тексте нет).

Рассмотрим сначала случаи, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником и следующей ситуации.

При этом, когда речь идет о передаче словесного послания, используются только финитные формы. Всего есть 15 таких примеров, где финитная форма сопровождается причастием глагола с речевым значением, вводящим саму речь:

Посемъ же прислаша Грѣци къ Володимеру Философа, сице глаголюще: «слышахом, яко приходилѣ суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихже вѣра оскверняет небо и землю» (6494);

...бѣ послалъ къ цесарю татарьскому Ратибора, помощи прося на Новѣгород. и се учювѣ князь Василии Ярославлицѣ, присла послы в Новѣгород, рекъ тако: «кланяюся святѣи Софѣи, и мужемъ новгородцомъ» (6776);

...Магнуш король свѣйскыи прислалъ к новгородцом рекъ: «пошлите на съѣздъ свои философы, дажѣ поговорят про вѣру» (6856);

Князь Витовтъ Литовьскыи Кестутьевич присла в Новѣгород възметную грамоту, рекъ тако. «обеществовалѣ мя есте, что было вам за мене нятися...» (6907).

Совершенно так же, как и глагол *послѣлати*, этот глагол мог переосмысляться позднейшими книжниками как вводящий прямую речь сам, без причастий *рекъ* или *глаголя*. (И точно так же, как и для *послѣлати*, на этом основании выделяли употребление глагола в значении «обратиться (со словами)» [Срезневский 1903, 2: 1277].) Таких примеров 17:

Тогда же се увѣдавши Татарове, яко идуть рускыи князи противу имѣ, и прислаша послы къ рускым княземъ: «се слышимъ, яко идете противу нас, послушавши Половецъ» (6732);

Того же лѣта прислаша Нѣмци с поклономъ: «безъ князя что есмя зашли Водѣ, Лугу, Плесковѣ, Лотыгоду мечем, того ся всего отступаемъ» (6750);

Того же лѣта князь великыи московьскыи възверже нелюбие на князя Дмитрея Юрьевича и погонися по немъ; и онъ отбѣжа в новгородчкыи Бѣжичкыи верхъ, и много волостемъ пакости учини; и присла в Новѣгород посолъ: «что бы есте мене приятѣ на своей волѣ». Новгородци же отвѣщаша ... (6950) и т. д.

Рассмотрим теперь контексты, где никакой вербальной ситуации нет, хотя адресат, к кому пришли посланные, является участником следующей ситуации. При этом употребляется только ш-причастие (как препозитивно, так и в постпозиции):

В томъ же лѣтѣ приславъ Всеволодъ выведе свояка своего из Новагорода Ярослава Володимирица, негодовахуть бо ему новгородци (6692);

Того же лѣта вииде князь великыи Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тѣфѣри на князя Михаила. И, приславъ Телебегу, и позва новгородцовъ; и они, приихавши в Торжекѣ, и докончаша съ княземъ Михаиломъ, како не вѣступатися ни по одному (6826);

Ходи князь великий Иванъ в Орду; его же думою приславше Татарове, позваши Александра и Василья Давыдовица Ярославскаго (6847);

Того же лѣта, мѣсяца августа 22, князь тѣрьскыи Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, останокъ людеи разгна и пограби, а иныя погуби (6953)...

Всего таких примеров шесть. Таким образом, данный глагол, в отличие от *послѣлати*, в таком контексте всегда оформляется причастно. Возможно, это мотивируется тем, что, в отличие от *послѣлати*, *прислѣлати* обозначает действие как достигшее результата и поэтому более связанное с адресатом.

В таком же контексте, где тот, к кому прибыли посланные, никак не является участником следующей описываемой ситуации (и, таким образом, обе предикации связаны только тем, что имеют общее подлежащее), глагол *прислѣлати*, так же как и *послѣлати*, оформляется финитно. Всего есть девять подобных примеров:

Идоша мужи с посадникомъ и с Михалкомъ ко Всеволоду; и прия их с великою честию и вда имъ сына Святослава; а в Новѣгород присла, сдумавъ с посадникомъ и с новгородци, и введе въ епискупью Митрофана, Богомъ избрана (6707);

Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Торжокъ понявши съ собою Твердислава Михайловича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу, и много бояръ, и одаривъ, присла въ Новѣгород; а самъ съде на Торжъку (6723);

Того же лѣта присла князь Иванъ Даниловичъ намѣстники свои в Новѣгород, а самъ иде в Орду (6835);

Тои же осени пришедши Нѣмцѣ у Ямъ города посад пожъгоша и берегъ повоеваши, а в Новѣгород прислаша: «мы вас не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григориш изъ заморья Клевьскыи про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгаша Нѣмци (6952) и т. д.

Статистика для глагола показана в табл. 2.

Таблица 2

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *прислѣлати* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание словесное			15
Адресат — участник следующей ситуации; послание не словесное	6		
Адресат не есть участник следующей ситуации; послание не словесное			9

Оставити

Этот глагол может рассматриваться с некоторой натяжкой как каузатив от *стояти* и употребляется в исследуемой летописи в переносных значениях («заставить пребывать») (круг его значений мог быть и шире [Срезневский 1903, 2: 736 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 6: 178]).

Во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол во фрагменте, относящемся к одному подлежащему, обозначает не последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них).

Наиболее характерен для глагола *оставити* такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения субъекта (удаления из того места, где кто-то оставлен), и имеет значение «оставить вместо себя, на своей должности» (две ситуации при этом оказываются связаны достаточно закономерным, ожидаемым образом). Именно в таких типовых контекстах и оказывается возможным употребление причастий. Примеров всего пять:

...введоша Ростислава Мьстиславлича. и сѣдивши лѣто одино, иде в Русь, оставивъ Давыда, сына своего; и тому показаша путь по немъ (6496);

Иде Ростиславъ из Новагорода Киеву на столъ, оставивъ сына Давыда Новгородъ (6662);

Поиде Мьстиславъ къ Киеву, оставивъ княгиню в Новѣгородѣ и сына своего Василья; и поя съ собою Юрья Иванковица (6725);

Поиде князь великыи Юрьи из Новаграда, позванъ въ Орду от цесаря, марта въ 15, в субботу Лазареву, оставивъ в Новѣгородѣ брата своего Афанасия (6823);

А в то время Магнушь король взя Орѣховец на Спасовъ день Авраама же и Кузму и иных бояръ 8 взялъ к собѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ из городка, а самъ поиде от городка прочь, а в Орѣховѣцѣ оставив рать (6856).

В трех случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Тогда же Ярославъ поиде съ княгинею из Новагорода къ Переяславлю, а в Новѣградѣ остави 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуномъ Якимомъ (6736);

Того же лѣта поиде князь Михаилъ в Черниговъ къ братьи, поимя съ собою новгородцовъ: Богуслава Гориславича, Сбыслава Якуновича, Домаша Твердиславича, Глѣба, посадница сына, Михалка Микифоровича, Михаля Прикупова; а сына своего Гостислава остави в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, даи Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего» (6737);

Того же лѣта, на зиму, иде князь Ярославъ в Володимиръ, и оттоле иде в Орду, а в Новѣгородѣ остави Андрѣя Воротиславица, а плесковицемъ да князя Августа (6778).

(В таком контексте предикация с *оставити* оказывается всегда в постпозиции — и при причастном, и при финитном оформлении.)

В некоторых редких контекстах, где следующая ситуация — движение (удаление) субъекта, исследуемый глагол не имеет значения «оставить вместо себя, на своей должности». Есть один такой пример, где употреблена финитная форма:

...«Всеславъ ти бѣжалъ; а ты не води Ляховъ къ Киеву, противна ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти погубити град, то вѣси, яко намъ жалъ ти есть отня стола». То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мьстислава къ Киеву (6577).

А в другом случае при этом употребляется причастие:

Михаиль рече им: «не достоитъ крестияномъ сквозѣ огонь ходити и кланятися идоломъ»... Они же оставивше их на мѣстѣ, идѣже бѣста приведена, идоша повѣдати цесарю Батыю (6753).

(Впрочем, такой контекст настолько малочастотен, что о закономерностях для него ничего нельзя сказать.)

Исследуемый глагол также может реже употребляться в таких контекстах, где следующая за ним ситуация не является движением, а сам он может значить как «оставить себе», так и «оставить другому». При этом глагол всегда оформляется финитно:

Князь же Наримантъ бѣше в Литвѣ, и много посылаша по него, и не поѣха, нѣ и сына своего выведе изъ Орѣхового, именемъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави (6846);

...веде Володимиръ съ Мьстиславомъ вся боярѣ новгородчкыя къ Киеву, и заводи я къ честному кресту, и пусти их домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже ты грабилъ Даньслава и Ноздрѣчу, и на сочѣкаго на Ставра, и заточи я вся (6626);

...явися знаменье въ Плесковѣ у святого Иоанна в монастыри, от иконы святого Спаса над гробомъ княгининымъ Ярославльи Володимирица, юже уби свои пасынокъ въ Медвѣжьи головѣ: иде миро от иконы по 12 дни, и наиде 4 воцаницѣ яко въ стѣкланицю; и привезоша в Новѣгород 2 на благословение, а въ Плесковѣ оставиша ю собѣ двѣ (6751);

И стояша 3 дни и 3 ноци, волость труще, села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуще, взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку, и выидоша на море, и приидоша здрави в Новѣгород (6819).

Статистика для глагола показана в табл. 3.

Таблица 3

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *оставити* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола — «оставить вместо себя»	5 (63 %)		3 (37 %)
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола не есть «оставить вместо себя»	1		1
Следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			4

Посадити

Этот глагол в его употреблениях в НПЛ может рассматриваться как каузатив от *сѣдѣти* и употребляется в исследуемом тексте только в переносных значениях («сделать правителем») [Срезневский 1903, т. 2: 1227 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 237].

Рассмотрим только те контексты, где глагол *посадити* является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы данного глагола появляются только в них).

Есть только одна предикация с исследуемым глаголом (она находится не в нарративном контексте, а в прямой речи: в повелении римского папы или императора крестоносцам), которая может трактоваться как фоновая отсылка назад. Но предикации, к которой она отсылает, ни в одном списке НПЛ нет (повеление папы или императора посадить претендента на престол могло в данном контексте просто подразумеваться автором повествования, но первые издатели НПЛ предполагали, что оно вообще могло быть и механически пропущено вместе с целым фрагментом текста):

Цесарь нѣмечькыи посла к папѣ в Римъ, и тако увѣчаста, яко не воевати на Цесарьград, нѣ якоже рече Исакович: «всѣ град Костянтинъ хотять моего царства». «[Пропуск?] Также посадивъ его на престолъ, поидѣте же къ Иерусалиму в помощь; не восхотят ли его, а ведете опять ко мнѣ» (6712, повесть о взятии Цареграда).

Для таких случаев употребление кратких причастий вполне типично и даже предпочтительно, особенно для глаголов движения [Сахарова 2011].

Во всех остальных употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности.

Наиболее характерен для этого глагола, так же как и для *оставити*, такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения (а точнее, удаления субъекта), и имеет значение «оставить вместо себя, на своем месте». Две ситуации — оставить править вместо себя и уйти — при этом оказываются связаны ожидаемым образом. В таком контексте глагол может оформляться причастно, таких примеров всего три:

...и опять Ярославъ Всеволодиць; и опять Михаило Всеволодиць; и посадивъ сына своего Ростислава на столъ, а самъ Чернигову (6497, список князей);

...почаша ѣздити оканнии по улицамъ, пишюще дома крестияньскыя... и отыхаша оканнии, взявшие число, а князь Александръ послѣ поиха, а сына своего Дмитриа посадивъ на столъ (6767);

...поставиша город надъ Невою на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в немъ пороки, похвалившеся окантѣи, и нарекоша его Вѣнецъ земли, бѣ бо с ними намѣстникъ королевъ именовъ Маскалко; и посадивше в немъ мужи нарочитыя с воеводою Стѣнемъ, и отъидоша (6808).

В семи случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Святославъ же пришед Тмютороканю и посади пакы сына своего Глѣба, възратися опять (6573);

Иде Мъстиславъ въ Киевъ на столъ из Новгорода марта въ 17; а сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столъ (6625);

Тогда же поиде князь на Низъ, поим послы новгородчкыя Елеуферья и Михаила Пинециница, а сына своего Василья посади на столъ (6764);

Олгердъ же повелѣ крестити сына своего, и наркоша имя ему въ святомъ крещении Андрѣи, и посади его въ Плесковѣ, а самъ поѣха в Литву (6850).

(Отметим, что и при причастном и при финитном оформлении возможна инверсия предикации.)

Еще в 13 случаях глагол *посадити* употребляется в таких контекстах, где следующая ситуация не является ситуацией движения. При этом глагол всегда оформляется финитно:

*Слыша же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко уби Ярополкъ Олга, и убо-
явѣся бѣжа за море. а Ярополкъ посади посадники в Новѣгородѣ; и бѣ
владѣя единъ в Руси (6485);*

*Того же лѣта вниде самъ в Новѣгород, бивѣся съ строем своимъ Михалкомъ, и сѣде в Новѣгородѣ; а Михалко сѣде в Володимирѣ, а брата
своего Всеволода посади в Переяславли (6683);*

*Выведоша новгородци ис Плескова Ярослава Ярославича и посадиша
его на столъ, а Василья выгнаша вонъ (6763);*

Того же лѣта присла князь великийи Дмитрии свои послове намѣстьники; и посадиша намѣстьники княжиши у себе новгородци, и суд имѣ даша (6868).

В этих случаях, как можно видеть, предикация с исследуемым глаголом не является прагматически невыделенной.

Статистика для глагола показана в табл. 4.

Таблица 4

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *посадити* (предикация принадлежит цепочке, относящейся к одному подлежащему, и обозначает в ней не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Фоновая отсылка назад	1 (?)		
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация — движение (удаление) субъекта	3 (37 %)		9 (63 %)
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			13

Таким образом, можно заключить, что для исследованных глаголов использование в летописи конструкций с краткими причастиями, как правило, обусловлено дискурсивными критериями второстепенности — ожидаемой сочетаемостью ситуаций, их более тесной связью друг с другом.

Однако о полном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить, разумеется, нельзя. Такого рода закономерности соблюдаются чаще всего не стопроцентно, и вообще употребление ш-причастий могло быть и не всегда связано факторами второстепенности. Вероятно, в действие могли вступать определенные традиции использования причастий в книжном языке, не имеющие синхронного объяснения. Результаты данного исследования также подтверждают, что синонимичные глаголы обнаруживают похожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1987 — А. А. Алексеев. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // Russian Linguistics. Vol. 11. 1987. С. 187—200.

Белоруссов 1899 — И. М. Белору с с о в. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности // Русский филологический вестник. Т. 41. Варшава, 1899. С. 71—146.

Борковский 1949 — В. И. Борков с к и й. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненогородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1923—1926. Т. 24. Кн. 2. С. 1—172; Т. 26. С. 207—239.

Лопатина 1978 — Л. Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 102—118.

НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л., 1950.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Сабенина 1978 — А. М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 417—432.

Сахарова 2005 — А. В. Сахарова. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Рус. яз. в науч. осв. № 10 (2). 2005. С. 250—266.

Сахарова 2007а — А. В. Сахарова. К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. осв. № 13 (1). 2007. С. 85—113.

Сахарова 2007б — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. № 2. 2007. С. 108—126.

Сахарова 2010 — А. В. Сахарова. К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи // Russian Linguistics. Vol. 34. № 1. 2010. С. 87—111.

Сахарова 2011 — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления кратких причастий в русской летописи для глаголов движения // Рус. яз. в науч. осв. № 2. 2011. С. 89—115.

Сл. ДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—.

Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.

Срезневский 1903 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 1277.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.). Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. (Typological Studies in Language. Vol. 11.) Amsterdam (Phil.), 1987. P. 21—51.

Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. № 3. 1981. P. 233—240.

Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // *Journal of Literary Semantics*. XII/2. 1983. P. 19—53.

Fleischmann 1985 — S. Fleischmann. Discourse function of tense-aspect opposition in narrative: Toward a theory of grounding // *Linguistics*. Vol. 23. 1985. P. 851—882.

Givón 1984 — T. Givón. *Syntax: a functional typological introduction*. Vol. 1. Amsterdam (Phil.), 1984.

Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Discourse and Syntax*. New York, 1979. P. 213—241. (Syntax and Semantics. Vol. 12).

Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // *Proceedings of the X Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1984. P. 481—549.

Mathiesen, Thompson 1988 — C. Mathiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and «subordination» // Haiman and S. A. Thompson (Eds.) *Clause combining in Grammar and Discourse*. (Typological Studies in Language. Vol. 18) Amsterdam (Phil.), 1988. P. 275—329.

Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000], свободный.

Reinhart 1984 — T. Reinhart. Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text // *Linguistics*. Vol. 22. № 6. 1984. P. 779—809.

Tomlin 1985 — R. S. Tomlin. Foreground-background information and the syntax of subordination: Evidence from the English Discourse // *Text*. Vol. 5. № 1/2. 1985. P. 85—122.

Tomlin 1986 — R. S. Tomlin. The identification of the foreground-background information in on-line descriptive discourse // *Papers in Linguistics*. Vol. 19. 1986. P. 465—494.

Večerka 1961 — R. Večerka. *Syntax aktivních participií v staroslověnině*. Praha, 1961.

Wärvik 2002 — B. Wärvik. On grounding in narrative: a survey of models and criteria. (English Department Publications. Vol. 5) Turku, 2002.

A. V. SAKHAROVA

PARAMETERS OF MEANING GOVERNING THE USE OF SHORT PARTICIPLES IN THE RUSSIAN CHRONICLE FOR SOME CAUSATIVE VERBS

The article reports the results of an investigation of the parameters of the choice between finite verb forms and short participles of some verbs in the Novgorod I chronicle (younger recension). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in many cases by discourse features typical of backgrounded predicative units. However, there is no complete correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundedness of the predicative unit. It is also suggested that peculiarities of the use of the movement verbs in the Novgorod chronicle reflect the interaction between the tradition of exemplary texts and the spoken language.

Keywords: historic syntax, Russian language, pragmatics, converb, short participle, chronicle.